

Роза Шовкринская вспоминает: «Чтобы в памяти осталась судьба тысяч таких, как я»

Роза Шовкринская родилась в 1930 г. Отец Юсуп Шовкринский участник гражданской войны, заведующий культурно-пропагандистским отделом Дагестанского обкома партии. Арестован в 1937 г. умер в заключении в Воркутлаге. Сестра Октябрина арестована в 17 лет, осуждена на 10 лет лагерей.

Арест отца

Мама была из большого рода, было у нее пять братьев, все братья были в России, были такие видные люди, они не соглашались отдать за папу. Папа ее украл. Ей было тогда всего пятнадцать лет. И переехал он сначала в Махачкала.

В тридцать шестом году, как началась вот эта вот репрессия, отца посадили. Посадили отца/ пришли, мама, как мама рассказывала, пришли, говорит, трое, в черное одетые. Машина какая-то черная у/ дом правительства, мы жили где, у подъезда. Но папа их попросил: «Я сам приду, чтоб дети не плакали, не переживали. Вы идите, я сам приду». Они вышли, и папа сам пошел. И вот с того времени/. Мама нам сказала, что папа уехал в командировку. Но после этого мы папу не видели, и отец просидел три года в махачкалинской тюрьме. Три года под пытками, три года там его/ меняли этих следователей. Это всё он писал, передавал через надзирателей. И вот писал заявления: на имя Сталина, на имя... в Москву там несколько заявлений.

Когда эти надзиратели приносили записки от отца, когда он там описывал, какими пытками их подвергали, какими истязаниям их подвергали. И вот этот один надзиратель сам, видно, присутствовал, что ли. И вот он рассказывал, когда было одна пас/ это, значит, дознание, вот когда это, следствие шло, отец не выдержал, и, говорит, поднял стул и этого следователя ударил. После этого его посадили в одиночку.

Три года папа там просидел, и в карцере был, и в одиночке был. И через три года его начали судить.

И, благодаря, значит, вот этим всем показаниям, всем этим, там был какой-то судья уже другой, следовательно, тройка судила и присудили ему восемь лет. Восемь лет.

Все предлагали: “Отрекись от фамилии!”

А папа несколько раз писал маме в этих записках: «Смотри, дети, если ты отречешься от фамилии, это детям будет удар. Дети подумают, что действительно, что я какой-то изменник, что я враг народа, что я не то. Детям внушай, что я/ во всем я честный, я честный коммунист, я никогда не изменял». Ну, с восемнадцати лет он был. И маму, сколько раз маму вызывали, чтоб мама/. И все предлагали: «Отрекись от фамилии. И детей устроим учиться». Мама была красивая, видная такая, полная. Никогда не забуду, это уже двоюродная сестра рассказывала, как маму продержал один следователь сколько-то часов. А Гусенчик был маленький, шестимесячный.

И вот когда маму он продержал сколько-то, мама ему говорила, что «у меня грудной ребенок, у меня уже молоко течет». Он ее все-таки держал, не отпускал. Потом говорит мама, двоюродной сестре рассказывала, что она вытащила грудь и подошла, и прямо ему в лицо, говорит, брызнула молоком. Тогда он ее отпустил.

И мама неделю лежала, не могла прийти в себя. Но фамилию мама не отрелась. Мы до конца, у нас была фамилия «Шовкринская». Мы не отрелись от этой фамилии.

Свидание в тюрьме

Когда папу назначили этап, дали свидание, мама добилась свидания. Сестра папы выпила сама и дала маме. Они выпили коньяк. Выпили для храбрости и пошли на свидание. Когда, говорит, пошли на свидание, в тюрьму, значит, в Махачкале, на Пушкинской улице, завели, говорит, куда-то. Так решетки, так решетки, сколько-то дверей, сколько-то замков, и вот, говорит, стоим. А тетя всё время маму подбодряла: «Смотри, слезу увижу! Слезу увижу – смотри, чтоб слезу твою мой брат не видел”. Какр-кар-кар - железо. И ведут отца, ведут отца. Подошел отец, и, значит, как только стал/ увидел маму, увидел сестру, у него потекли слезы. Сестра начала ему говорить: «Ты! Ты! Ты не мужчина что ли, чтоб им показывать слезы! Ты, ты! Я тебя не считаю за мужчину, я тебя не считаю за брата! Чтоб у тебя не было слез!». Он, говорит, тогда вот так поднял руки, и, это, кандалы, наручники что ли, кандалы, говорит, и ноги пошевелил. «Я, - говорит – плачу не за то, что меня осудили, я не плачу за то, что меня отправляют. Меня не судили советским судом, меня судили с первобытным, ханским судом». И вот так показал, вот эти вот, руки показал.

Бегство из Махачкалы

Этот же вечер мама всё собрала и мы ночью же выехали. В аул, сто восемьдесят километров. Шел дождь. Дороги такие не были, как раньше. Все грязью обмытые. Тут такие страшные дороги были – с этой стороны пропасть, с другой стороны нависали скалы, и дороги такие очень тяжелые, трудные. Шофер был русский. Никогда не забуду, мама его называла, его, наверное, звали Коля, а мама его называла Ваколинька.

Доехали мы до нашего селения. Конечно, раньше, когда мы приезжали, все встречали, выходили. Ни одна душа. Никто не вышел, ни встречать/. Шофер нам помог, зашли мы домой и все остались дома. Вот так мы приехали в аул. Благодаря вот этому доброму человеку. Остались мы в ауле.

Как нас встретили в ауле

Но, когда мама нас повезла в аул, когда мы первый же день вышли на улицу – я не знаю, кто этих детей учил – русский язык не знают дети, кто их учил, откуда они – они все нам прохода не давали. «Тра-ацкисты! Тра-ацкисты!» - откуда они это слово знали? Мы, оплаканные все, возвращались домой и говорили: «Мама, мы не пойдем больше на улицу, мы не пойдем больше в эту школу».

Остались мы в ауле. Маму в колхоз не принимали, нас в школу не принимали, в магазин идти не разрешали. Мама стала/ определили маму как единоличник. Тогда были очень большие налоги на колхозников, а на единоличников были двойные налоги.

Все думали, что мама белоручка, жена министра, она работать не сможет, но мама работала лучше всех, ей давали отдельный участок. Она брала нас, детей, чтобы и косить, чтобы и хлеб собирать, и что-то копать. Мы выполняли норму вдвойне – вдвойне – и потом уже решили принять в колхоз. Маму уже приняли в колхоз, мама стала как звеньевая уже в колхозе, стала получать трудодни.

Смерть отца в лагере

С Севера, с Печлага, мы получили всего одно-единственное письмо. В этом письме тоже отец писал, описывал всю природу, что кругом всё снег, только белые медведи и белые куропатки. Что мороз – пятьдесят градусов. И всё равно описывал, что они строят такую нужную для нашей, для нашей советской, для нашей родины такую нужную железную дорогу. Что за железная дорога – я, конечно, не знаю. Вот. И после этого письма мы от отца ничего не получили. И в конце письма везде он писал: «А где же наш великий Сталин? А

где же наш великий Сталин?». После этого письма мы не получили, но через год – через год, в сорок первом году – получили извещение, что отец умер где-то в больнице. Точно тоже не было, где, что, как, и получили извещение. К нам на похороны, на панихиду, на похороны не давали никому заходить. Сельсовет поставил кругом как охрану, чтоб к нам никто не приходил. Мама и мы, дети, папу оплакивали одни.

Друг друга боялись, друг друга боялись. И, когда отца посадили, не/ е могли никто, не могли никто заступиться и не могли никто ни слова сказать. Ни когда сестру посадили, ни когда отца посадили. Было страшное время, страшное время было

Как умер дедушка

А дедушка умер – как дедушка – дедушка Магомеда взял за руки, пять лет было старшему брату, пошел сидеть на годекан. Там, на годекане же все старики обсуждают, все разговаривают, некоторые, значит, сожалеют это, но боятся все сказать. Вот этот вот танцор, которого папа в свое время послал в Москву танцевать пред Сталиным, он вышел и сказал: «Наше селение, революционеров селение, опозорил Шовкринский. Надо ихний дух уничтожить, надо ихнее всё семейство уничтожить». Дедушка не смог там ни слова сказать, взял Магомеда за руку, пришел домой.

«Вот, я вот так вот так вот. Мне Ахмади сказал вот так вот. Я вот лег, я теперь знаю, что я отсюда не встану. Хоронить меня – не надо тоже сельчан всех созывать. Похороните меня так вот, около моего там деда, прадеда. Пышные мне похороны тоже делать не надо, но я после этих слов/ я больше отсюда не встану». Вот так вот умер дедушка.

Арест сестры Октябрины

И в это время, значит, когда Октябрина работала в этой школе, сельские учителя, те, кто/ которые в армию не уехали/. Как городская, видная была, красивая была, начитанная, все организовывала разные кружки и все представления. Эти учителя, некоторые там, один особенно, начал придирается к ней. Вот. И в это время она схватила со стола, был мя/ бюст Ленина, из мела. Этим бюстом она замахнулась на этого учителя, он отодвинулся, бюст попал в окно, разбилось окно, бюст там разбился, бюст Ленина.

Позвонил, с Кумуха пришли/ приехали НКВД и забрали сестру. На этом сестру посадили.

Приехал тройка, были, говорит, двое мужчин и одна была молодая русская. молодая.

И ей тройка судила: расстрел. Вот. Когда, говорит, это суд шел, потом сестра рассказывала: «Эта молодая русская, - говорит - вот так вот прикрывалась... вот так вот, тетрадкой. И я, - говорит – слышала, как у ней капали слезы». Она не дала. Она же/ они же голосовали, она не дала на это, чтоб расстрел ей дать, говорит, несовершеннолетняя еще такая вот. И дали ей пятнадцать лет. Пятнадцать лет, отправили. Сначала она была в Каспийске, потом она была, эээ... значит, в Буйнакске, и потом уже отправили в Сибирь. Просидела семь лет. И там тоже начали, некоторые, конечно. Фамилия Шовкринская, ее это спасало. Но некоторые молодые, она – красивая, видная, и там один ей предложил, тоже знавший папу: «Ты не выйдешь, не освободишься, ты должна родить». Она родила там девочку, Светку. И как мамку, освободилась, как мамка она вернулась.

Как мама Сталина оплакивала

А, рассказать, как мама Сталина оплакивала?

А.К.: Да, конечно.

Р.Ш.: В школе панихида – Сталин умер. Никто не плачет, никто. А мама была такая известная. Она и петь пела, и опла/ она как плакальщица была, и петь. Сельсовета председатель посылает: «Пойдите, позовите Кыстаман. Надо Сталина оплакивать».

И мама начала там его оплакивать: «[говорит по лакски], Сталин! Чтоб твой дом сгорел, Сталин! И свой дом ты сжег, и мой дом ты сжег! Ой, ты, бедный Сталин! У которого кроме одной пар сапог (не знаю это тоже откуда она знала) у которого одной пар сапог тоже не было. Ой, мой бедный такой, умный такой, ученый Сталин, которого могли, которого могли вот так вот все обмануть, вот так все настроить тебя про такого тебя любящего народа, про такого тебя уважающего народа». Весь зал рыдал, весь зал рыдал. Вот так мама оплакивала Сталина.

Никогда они виновным, ни сестра, ни мама, Сталина виноватым не считали. Хоть мама была необразованная, не с образованием, но она очень всё воспринимала. Она говорила: «Сталин не мог, не может Сталин всё знать, Сталин не виноват».

Замужество

И они из Азербайджана – из Азербайджана – приехали за мной.

Приехали. Мама согласилась из-за страха, что сестру посадили в школе, и мама очень боялась за меня – такой район, такое селение. Согласилась, и я, с мамой вместе мы опять через горы поехали в Азербайджан, я туда/ там вышла замуж. Там вышла замуж. До/ пока отца не реабилитировали я не приезжала. У меня было уже четверо детей.

После реабилитации

Я тоже потом уже, после пере/ реабилитации отца, мы купили квартирку и жили в Махачкале. До последнего времени, пока, вот, после того, как умер брат один, умер потом второй, сестра умерла, я осталась одна. Сейчас семьи Шовкринской последняя я одна. И мне, конечно, я очень благодарна, я очень благодарна вам, московским, вот это, «Мемориал», что уделили такое внимание, чтобы не пропало вот это, судьба таких, тысячи таких, как я. Чтобы вот это всё было, оставалось, в воспоминании. Это наша история, вся история семьи Шовкринского.

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Оператор:

Андрей Купавский (Москва)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© Международный Мемориал 2012